

ИЗ ИСТОРИИ ИСЛАМОВЕДЕНИЯ

Е.А. Фролова

*(доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН;
Российская Федерация, 109240, Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1;
e-mail: ea-frol@yandex.ru)*

ФИЛОСОФСКОЕ ИСЛАМОВЕДЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ (60-е гг. XX — 20-е гг. XXI в.)

Аннотация. Предлагаемое вниманию читателя интервью — дополненная версия рассказа Евгении Антоновны Фроловой о современном состоянии философского исламоведения в России, впервые увидевшего свет в документальном цикле «Изустная история» Фонда Ибн Сины. В нем Евгения Антоновна раскрывает детали своей научной биографии, делится размышлениями об актуальных проблемах дисциплины и важности культурного контекста для изучения философии стран Востока. Эта беседа, проведенная Андреем Александровичем Лукашевым, открывает новую рубрику нашего журнала, в которой будут публиковаться воспоминания видных деятелей востоковедной науки об их жизненном пути, коллегах и интересах.

Ключевые слова: Е.А. Фролова, А.А. Лукашев, изустная история, история востоковедения, воспоминания.

Evgeniya A. Frolova

*(DSc in Philosophy, leading research fellow, Institute of Philosophy, RAS;
bld. 1, 12, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation;
e-mail: ea-frol@yandex.ru)*

Philosophical Islamic Studies at the Institute of Philosophy (60s of the 20th — 20s of the 21st century)

Abstract. The interview is an expanded version of Evgeniya A. Frolova's narration about the current state of philosophical Islamic studies in Russia. It is based on a documentary directed for "Oral History" cycle (Ibn Sina Foundation). Evgeniya Antonovna reveals details of her scientific biography, shares thoughts about current problems of Oriental

studies and the importance of cultural context for studying Eastern countries' philosophy. This conversation, conducted by Andrey A. Lukashev, opens a new chapter of our journal, in which the memoirs of the classics of oriental studies about their life path, colleagues and interests will be published.

Keywords: Evgeniya A. Frolova, Andrey A. Lukashev, Oral History, Oriental Studies History, Memoirs.

А.Л.: Дорогие читатели! Сегодня у нас удивительный день: «Изустная история» в гостях у замечательного ученого — Евгении Антоновны Фроловой. Евгения Антоновна пятьдесят семь лет служит научным сотрудником Института философии; она — живое доказательство того, что истинный ученый не знает значения слова «пенсия». Евгения Антоновна, пройдя действительно весьма солидный научный путь, построив собственную, ни на что не похожую научную судьбу, за карьеру свою очень многое сделала для изучения исламской философии. И путь этот начался еще в советские годы... Да, Евгения Антоновна? Расскажите, что побудило вас выбрать именно эту стезю?

Е.Ф.: Ну, наверное, как и всех начинающих, к теме меня привело что-то случайное, не задуманное заранее. Дело в том, что я защищала диссертацию по проблемам языкознания.

А.Л.: А где защищались?

Е.Ф.: Защищалась я в Московском университете.

А.Л.: На философском факультете?

Е.Ф.: Да, на философском факультете. Уже тогда, защищая кандидатскую диссертацию¹, я сознавала, что для того, чтобы работать в области языкознания, нужно быть полиглотом или, по крайней мере, владеть несколькими языками.

А.Л.: А на тот момент какие у вас были рабочие языки?

Е.Ф.: Из иностранных языков я владела разве что немецким. К тому же я работала в Издательстве иностранной литературы...

А.Л.: А кем?

Е.Ф.: Я редактором работала. Старшим редактором или кем-то вроде того. Но при этом я поддерживала связь со своими однокурсниками, которые к тому моменту устроились на работу в Институт философии Академии наук.

А.Л.: Вы философский факультет МГУ оканчивали?

Е.Ф.: Да. Именно МГУ.

А.Л.: Это какой год был примерно?

Е.Ф.: Защитила я свою кандидатскую диссертацию в 1954 г. После этого я работала, чем-то где-то перебивалась: читала лекции, работала в Издательстве иностранной литературы. Но, поскольку хотела перейти на работу в Институт

¹ Кандидатская диссертация Е.А. Фроловой «О связи языка и мышления» была блестяще защищена в МГУ в 1954 г. — *Прим. ред.*

философии, я попросилась тогда в сектор современной зарубежной философии или... ну, в общем, практически сектор информации был. И заведовала им Модржинская Елена Дмитриевна². Говорила с ней, она поинтересовалась, какие языки знаю. На мой рассказ она ответила так: «Вы знаете что... у нас с западными языками достаточно специалистов. Вот если бы вы знали какой-то восточный язык, вот вы бы тогда были нам нужны!» И я задумалась над этим. Поскольку у меня уже была какая-то изготовка на то, чтобы изучать языки, тем более восточные, я решила заняться арабским. Не знаю почему, правда, но — арабским.

А.Л.: Сложно было начать учить арабский в то время?

Е.Ф.: Было довольно сложно, но, волею судеб, я познакомилась с преподавателем арабского языка, работавшим на историческом факультете МГУ.

А.Л.: Как его звали?

Е.Ф.: Нуреддин Габертович Ахриев³. Он был такой еще... «допотопный», что ли, преподаватель, как и первый учебник, по которому мы занимались, — учебник Аттая⁴. Вы представляете, что это за учебник, нет?

А.Л.: Нет, не видел такого.

Е.Ф.: Это дореволюционный учебник, достаточно симпатичный. Так вот... я начала заниматься как раз арабским языком. И он мне давался. С Ахриевым мы занимались недолго, но я овладела самыми азами, то есть научилась хотя бы что-то читать. И после этого я начала заниматься арабским языком самостоятельно. Первая книга, которую я взяла в библиотеке, — «От сущности к существованию» Камāла Йūsуфа ал-Ḥādжа⁵. И я начала ее переводить. Примерно в то же время я познакомилась с аспирантом МГУ Мади Ахмадом из Иордании, с которым мы потом очень долго поддерживали отношения. К слову, меня тогда и взяли в Институт! Готовилось новое, шеститомное издание «Истории философии», и нужны были грамотные, подготовленные, если угодно...

А.Л.: Редакторы?

Е.Ф.: ...специалисты, которые организовали бы работу над этим шеститомником, координировали бы ее. И меня взяли на должность референта академика Марка Борисовича Митина. Помню, мне поручили дописать статью по состоянию изучения этики в Советском Союзе. Ну представляете, что я могла, не занимаясь этим, быстро написать? Пошла я в библиотеку, что-то нашла, что-то

² Елена Дмитриевна Модржинская (1910–1982) — доктор философских наук, майор НКГБ СССР, специалист по английской культуре. Возглавляла сектор критики антикоммунизма ИФ АН СССР. — *Прим. ред.*

³ Нуреддин Габертович Ахриев (1904–1987) — филолог-арабист, переводчик, историк. Выпускник Московского института востоковедения. — *Прим. ред.*

⁴ Михаил Осипович Аттая (1852–1924) — филолог и переводчик сирийского происхождения. Преподаватель арабского языка в Лазаревском институте восточных языков и, позднее, в Военной академии РККА. — *Прим. ред.*

⁵ Камāl Йūsуф ал-Ḥādжа (1917–1976) — ливанский философ-экзистенциалист и националист. — *Прим. ред.*

написала. Слава богу, эта статья не была принята — больно ученической вышла. Но по крайней мере я какое-то время проработала у Митина. Хотя какая это была работа? Удовольствие одно. Трудились мы за городом, на даче, в академическом поселке Мозжинка. Там собрались академики, в общем, все: Митин, Бонифатий Михайлович Кедров... Михаил Трифонович Иовчук не был академиком, но все равно... Теодор Ильич Ойзерман... В общем, много там было достойных и интересных людей, которые почти что по-дачному развлекались. Я же участвовала в обсуждениях и делала исключительно техническую работу.

А.Л.: И статью писали параллельно.

Е.Ф.: Да, статьи писала по этике. В общем, было весело. Рядом река, всегда можно нырнуть и искупаться, солнышко светит — хорошо!.. Но вернемся к «Истории философии». В этом шеститомнике был запланирован раздел по восточной философии. И в Мозжинку для работы над этим разделом приезжал Сагадеев⁶.

А.Л.: Артур Владимирович!

Е.Ф.: Артур Владимирович. Вот тогда я с ним и познакомилась.

А.Л.: И как у вас знакомство вышло, какие впечатления?

Е.Ф.: Было просто! Я с ним познакомилась, он — со мной, узнал, что я интересуюсь арабской мыслью. Это такое было очень поверхностное знакомство, но тем не менее...

А.Л.: Он уже тогда был именитым?

Е.Ф.: ...тем не менее оно сказалось на моей судьбе. Потому что в это время как раз создавался сектор восточной философии.

А.Л.: Которым длительное время заведовала Мариэтта Тиграновна Степанянц?⁷

Е.Ф.: Заведовал им поначалу Сергей Николаевич Григорян⁸.

А.Л.: Сергей Николаевич Григорян, его основатель, да?

Е.Ф.: Да-да. Сектор, конечно, был тогда только еще в зачатке. И состав сектора только набирался. Вы догадываетесь, что в этот сектор приходили востоковеды, которые ранее совершенно не имели никакого отношения к философии. Они занимались другими проблемами. Но где-то они, как говорят, «погорели» и остались такими, «погорельцами». В ту пору Институт философии был вот как раз таким местом, куда приходили все, кто где-то сломал себе карьеру. Многие востоковеды-политологи и экономисты нашли приют в секторе философии и социологии стран Востока — например Анатолий Михайлович Ушков, который занимался

⁶ Артур Владимирович Сагадеев (1931–1997) — выдающийся отечественный исламовед и антиковед, переводчик. Автор фундаментальных исследований по истории арабоязычного перипатетизма. — *Прим. ред.*

⁷ Мариэтта Тиграновна Степанянц (род. 1935) — отечественный востоковед и исламовед, специалист по межкультурной философии. С 1980 по 2012 г. — руководитель сектора восточных философий ИФ АН СССР (позже — ИФ РАН). — *Прим. ред.*

⁸ Сергей Николаевич Григорян (1920–1974) — отечественный исламовед, специалист по мысли народов Средней Азии. В 1960–1974 гг. — руководитель сектора философии и социологии стран Востока ИФ АН СССР. — *Прим. ред.*

Кореей. Эти «сбитые летчики», конечно, были философски не подготовленными, но... Сергей Николаевич Григорян сумел найти и людей, в общем, достойных. Именно тогда в сектор был принят Буров⁹...

А.Л.: Владилен Григорьевич?

Е.Ф.: Да. Потом Сагадеев Артур Владимирович, потом китаист...

А.Л.: Андрей Витальевич Никитин¹⁰?

Е.Ф.: Нет. Никитин позже гораздо. Нет-нет. Юрий Борисович Козловский¹¹. Словом, были люди, которые, в общем, действительно могли заниматься проблемами восточной философии. Поэтому постепенно те, кто не имел отношения к философии, как-то уходили из сектора. А оставались те, кто занимался мыслью. Даже в это, советское время, когда у каждого начинания была своя идеологическая рамка. Между прочим, в то время наиболее успешно, я считаю, работал Институт востоковедения, потому что он занимал особое место в нашей академической среде — занимался изучением проблем, которые были на самом деле важны для государства. И потому он был более свободен в своих исследованиях. Мы, как философы, связанные с идеологией, наоборот, были ею скованы. Тем не менее нам удавалось писать качественные книги. К примеру, книжка «Современная философская и идеологическая мысль стран Востока» вышла в 1965 г. Вот состав авторов. Артур Сагадеев опубликовал статью «‘Абд ар-Рахман Бадави¹² и экзистенциализм в арабских странах». Совершенно новая тема для тех лет. Лев Иванович Филиппов¹³: «Рене Хабаш¹⁴ и экзистенциализм». То же самое. Очень интересно. Фролова: «Критика философских взглядов ливанского философа Камāла Йūsуфа ал-Хāджа». Та же Фролова: «Критика современной буржуазной философии ливанским философом Жоржем Ханной¹⁵». Да, в этих работах давалась идеологическая оценка этих направлений, критика этих авторов; тем не менее это уже был прорыв какой-то, знакомство с качественно новой тематикой. 1965 год.

А.Л.: А какое было отношение к вашему сектору внутри Института?

⁹ Владилен Григорьевич Буров (род. 1931) — выдающийся советский и российский китаист, специалист по истории мысли стран Дальнего Востока. — *Прим. ред.*

¹⁰ Андрей Витальевич Никитин (род. 1957) — российский китаист и вьетнамист, с 1984 по 2018 г. — сотрудник ИФ АН СССР (позже — ИФ РАН). — *Прим. ред.*

¹¹ Юрий Борисович Козловский (род. 1927) — специалист по японской философии. — *Прим. ред.*

¹² ‘Абд ар-Рахман Бадави (1917–2002) — египетский философ-экзистенциалист, историк идей. Специалист по средневековому арабо-мусульманскому наследию. — *Прим. ред.*

¹³ Лев Иванович Филиппов (годы жизни неизвестны) — советский историк философии, специалист по экзистенциализму. — *Прим. ред.*

¹⁴ Рене Хабаш (1915–2003) — арабский католический философ-экзистенциалист. — *Прим. ред.*

¹⁵ Жорж Ханнā (1891–1969) — ливанский мыслитель, литератор и общественный деятель. — *Прим. ред.*

Е.Ф.: Я к этому веду. В это время сектором, приблизительно до 1970 г., руководил Сергей Николаевич Григорян. Во-первых, он много писал, серьезно занимался восточной философией (арабской, исламской). Сейчас, конечно, к его работам, к его книгам, которые он написал, отношение, преимущественно, снисходительное. Разумеется, книги эти были выдержанны в нужной идеологической тональности, содержат однозначные оценки. Однако он был настоящим историком философии! Осознавая важность текста для этой дисциплины, он первым начал прилагать к книгам переводы первоисточников.

А.Л.: Он сам переводил?

Е.Ф.: Нет, там другие переводчики. Но что интересно: он умудрился дать общую картину изучаемой эпохи, ее историко-философский рисунок. Я считаю, он был очень мудрым человеком и понимал, что главное в этой обстановке, когда особенно нового мы ничего не можем написать интересного, — давать переводы работ. Вот, например, в 1961-м была издана книга «Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока».

А.Л.: Самое начало вашей работы в Институте философии!

Е.Ф.: Да. И тут очень важные работы: ал-Киндй, «Братья чистоты», ал-Фārā-бй, Ибн Сйнā, Ибн Бādджжа, Ибн Т̣уфайл, Ибн Рушд и Ибн Халд̣ун.

А.Л.: В основном Сагадеев переводил?

Е.Ф.: В основном — да. Но коллектив интересный, я бы сказала, золотой: Клавдия Борисовна Старкова¹⁶, Иван Платонович Кузьмин¹⁷, Арон Ильич Рубин¹⁸... В общем, благодаря этим переводам мы могли ознакомиться с текстами. Правда, не с оригиналами, не с арабскими, с переводами, но тем не менее ознакомиться. Кстати говоря, в это же время приблизительно Артур Владимирович Сагадеев издал несколько книжечек своих, которые тоже были очень актуальны и важны. Это маленькие книжечки «Ибн Сйнā», «Ибн Рушд». Важнейшая веха в истории философского востоковедения! Пускай ее сейчас уличают в том, что она была пропитана духом материализма. Но без нее не было бы современного российского исламоведения.

А.Л.: Ну конечно, это была настоящая фундаментальная историко-философская работа.

Е.Ф.: Да-да. Фундаментальные работы. В общем, я считаю, что нельзя недооценивать этой роли Сергея Николаевича Григоряна, который все-таки создал сектор и дал возможность в этом секторе работать. Кстати говоря, у нас работали

¹⁶ Клавдия Борисовна Старкова (1915–2000) — советский и российский арабист и гебраист, исследователь Кумранских рукописей. Член Императорского православного палестинского общества. — *Прим. ред.*

¹⁷ Иван Платонович Кузьмин (1893–1922) — отечественный арабист, автор первого перевода повести «Живой, сын Бодрствующего» на русский язык. — *Прим. ред.*

¹⁸ Арон Ильич Рубин (1888–1961) — выдающийся советский востоковед-полиглот, историк философии. — *Прим. ред.*

не только те, кто занимался арабо-исламской философией, но и, в частности, Ян Хиншун¹⁹, который занимался китайской мыслью, Козловский, который занимался японской философией. Ну и специалисты по другим «восточным» направлениям. Я считаю, это было очень серьезно, фундаментально. К сожалению, после смерти Сергея Николаевича (а я была его заместителем) ваша покорная слуга была вынуждена исполнять обязанности заведующего сектором в течение трех с небольшим лет. Мы издали том «Борьба идей в современном мире», что-то получилось запустить в качестве проектов. Но я считаю свое пребывание в этой должности не очень удачным. Я просто-напросто не создана для руководящих постов. Поэтому это был достаточно малоплодотворный период в истории нашего сектора. Хотя сами по себе люди трудились отлично — Борис Сергеевич Ерасов²⁰, Козловский, другие работали. Кстати, в это время произошел набор аспирантов из числа выпускников философского факультета МГУ. В сектор пришли тогда несколько человек, в том числе наш Артем Кобзев²¹, потом Владимир Зайцев²². Галина Викторовна Горохова была; правда, она быстро ушла.

А.Л.: Так я ее помню!

Е.Ф.: Вот. Несколько человек пришли в сектор. А потом... кто-то остался в секторе, кто-то ушел в другие учреждения. Но поскольку я была слабым заведующим, это чувствовали и сотрудники. А у нас были сотрудники, которые рвались на заведование и к руководству сектором. Начались такие вот, понимаете, дразги внутри сектора, борьба за власть. Я не держалась за должность, хотя мне директор говорил: «Давайте быстро защитите диссертацию, и мы вас назначим заведующим». Я отвечала: «Я не хочу, это не мое!». Этот период был очень тяжелым. Потом все-таки, поскольку я отказывалась от заведования, дирекция назначила заведующим Аникеева. И вот тут опять началась очень тяжелая полоса в жизни сектора, потому что... Да, я еще хочу оговорить вот еще что. Я считаю, что единственная моя заслуга в то время — то, что я добилась сохранения сектора. Потому что сектор вот из-за этих вот дразг хотели, в общем-то, ликвидировать. Против него как-то так была настроена дирекция. Ну, или некоторые представители дирекции были настроены на то, чтобы сектор ликвидировать.

А.Л.: Именно из-за конфликта внутри коллектива?

Е.Ф.: Да, из-за этого. Нельзя было просто решить проблему — легче было убрать проблемный сектор...

¹⁹ Ян Хиншун (1904–1989) — советский востоковед-китаист, с 1948 г. — научный сотрудник ИФ АН СССР. — *Прим. ред.*

²⁰ Борис Сергеевич Ерасов (1932–2001) — советский и российский философ, специалист по евразийству. — *Прим. ред.*

²¹ Артем Игоревич Кобзев (род. 1953) — советский и российский востоковед-синолог, с 2011 г. — руководитель отделом Китая Института востоковедения РАН. — *Прим. ред.*

²² Владимир Васильевич Зайцев (1953–2002) — советский и российский востоковед, исследователь вьетнамской и китайской мысли. — *Прим. ред.*

А.Л.: Ну, быть может, еще влияло на позицию дирекции общее настороженное отношение к восточной философии?

Е.Ф.: Да, конечно. Потому что, например, Бонифатий Михайлович Кедров (очень, в общем-то, умный и уважаемый человек) считал, что она никому и не нужна. Тем более его сестра некоторое время работала в нашем секторе. Может быть, она что-то ему рассказывала... Лев Николаевич Митрохин задавался вопросом: «Зачем нужен этот сектор?» То есть отношение к восточной философии было более чем негативное. Но я все-таки убедила дирекцию и директора, что сектор необходимо сохранить. Я настаивала на том, что есть человек, специалист, который мог бы стать весьма достойным заведующим.

А.Л.: Кто?

Е.Ф.: Мариэтта Тиграновна Степанянц. Тогда она жила за рубежом, но все-таки вернулась. И я, в общем-то, как-то постаралась убедить дирекцию, что есть человек, который может сохранить сектор, поднять его и сделать более чем работоспособным.

А.Л.: Но, наверное, с приходом Мариэтты Тиграновны ситуация изменилась коренным образом?

Е.Ф.: Конечно. Я была довольна тем, что все-таки дирекция вняла мне и Горкому партии, куда я обращалась. Слава богу, у меня там были знакомства — секретарь Горкома партии. Он тоже поспособствовал. И я каким-то образом убедила нашего директора, что нужно как-то пережить этот период, а потом, когда вернется Мариэтта Тиграновна, окончательно решить эту проблему. Некоторое время нашим сектором заведовал Давид Джохадзе.

А.Л.: Как интересно! Он же специалист по марксизму?

Е.Ф.: Ну, решили, что он нейтральный человек, пускай позаведует. А когда пришла Мариэтта Тиграновна, уже кардинально переменилась и обстановка в секторе. Кроме того, Мариэтта Тиграновна — очень подготовленный человек, она сразу же нашла какие-то направления, по которым сектор может работать по-новому, и стала уже подбирать сотрудников в сектор по принципу их работоспособности, их компетентности.

А.Л.: Евгения Антоновна, а как формировались ваши научные интересы? Я знаю, что вы работали по двум темам — по классической исламской философии и уже современной.

Е.Ф.: Когда я только поступила на работу в Институт, меня увлекли глобальные проблемы. Меня интересовало: почему, например, страны третьего мира (в том числе арабские страны) отстают в своем развитии?

А.Л.: Фундаментальные вопросы! Ими задаются и арабские философы.

Е.Ф.: Фундаментальные вопросы, да. Но вы понимаете: чтобы решить эти проблемы, нужно располагать исключительной подготовкой. Поэтому я очень скоро убедилась в том, что я совершенно некомпетентна, что нужно начинать с изучения основ арабского быта, арабского разума. Тогда и родился мой интерес к научно-техническому развитию и экономическому состоянию этих стран,

к месту рационализма в культуре этих стран. В общем, это меня и вывело к экспликации такой проблематики в истории арабской философии, в наследии Ибн Сйны и, в меньшей степени, ал-Фārābī... Я немного отвлекусь. Одно из важных направлений в работе нашего сектора — сотрудничество с советскими республиканскими научными центрами. В частности, с таджикскими и казахскими. И вот, когда в этих центрах приступили к переводу классиков арабоязычного перипатетизма, за координацию труда принялся Артур Сагадеев.

А.Л.: А вы эти переводы редактировали?

Е.Ф.: Да.

А.Л.: Это, наверное, одно из лучших изданий философских трактатов Ибн Сйны на русском языке! До сих пор очень актуальное, полезное, интересное. Здесь и отрывки из *Kitāb au-Шифā'*, и...

Е.Ф.: Конечно, в книге есть и недостатки: можно что-то переводить, может быть, заново, что-то исправлять, но... в общем, я считаю, что это — хорошая работа. Очень важная.

А.Л.: Нет, текст выполнен на высоте. А вы позитивно оцениваете это сотрудничество с республиканскими центрами?

Е.Ф.: Безусловно. Сейчас этого не хватает. Я считаю, что это очень важно. Потому что даже сейчас, когда Татьяна Георгиевна Корнеева занялась Наṣиром Хусравом, она все равно вынуждена была обратиться к работам, выполненным в Таджикистане. В том числе, тем, что были подготовлены тогда.

А.Л.: Евгения Антоновна, а как вы оцениваете современное состояние тех областей историко-философского знания, в которых вы работали (это история фальсафы и арабской философии XX в.)?

Е.Ф.: К сожалению, ничего не могу сказать. Может быть, тут всему виной моя собственная исследовательская и педагогическая позиция. Я — недостаточно активный и недостаточно настойчивый человек, так и не сумевший создать школу, добиться того, чтобы сотрудники интересовались моей темой. Классическая арабская философия — примечательная тема сама по себе, ей хотят заниматься многие. Не мои ученики, разумеется, просто интересующиеся филологи. А вот в том, что касается современности... конечно, я, наверное, виновата. Никого не смогла подготовить, никого не сумела убедить в том, что нужно заниматься именно этой проблематикой. А ведь современной мыслью заниматься просто необходимо! Слишком все ушли в историю философии, остались там, зарылись в нее. А вот чтобы современность... В конце концов, ею интересуются не только в нашем секторе; этим занимается тот же Тауфик Ибрагим, более того — он ее в какой-то мере создает. Современность творит Мейсам аль-Джаноби, ее исследует Нур Серикович Кирабаев. Может быть, они создадут какие-то школы, увлекут за собой последователей. К сожалению, пока этого нет.

А.Л.: Евгения Антоновна, в «Дискурсе арабской философии» вы приводите основные понятия современной исламской мысли, вы экспонируете ее словами ее же творцов. Для исследователей «Дискурс...» — очень удобная книжка:

если человеку интересно заняться проблематикой исламизма, он открывает раздел «исламизм» — и сразу находит подборку ключевых цитат ведущих арабских интеллектуалов XX в. Это точка, с которой можно стартовать в своих исследованиях. Уверен, Евгения Антоновна, у ваших исследований есть большое будущее! Очень здорово, что такие книги у вас выходят!

Е.Ф.: Я пока не могу сказать, что настроена оптимистически. Я, конечно, хотела бы, чтобы те, кто начинает заниматься этими проблемами (в частности, арабо-исламской философией), изучали язык первоисточников, уверенно им владели. Знали язык достаточно свободно, чтобы не только читать книги, но и улавливать само состояние современной культуры, преломленное в журналах, прессе, научной литературе. Все-таки важно ориентироваться в том, что происходит на Востоке прямо сейчас. Именно из-за того, что я не владею вот этой языковой свободой и не могу ознакомиться с обширной литературой, которая доступна сейчас, мне становится до крайности грустно: я не вижу специалистов, которые заполучили бы этот драгоценнейший культурный багаж, овладели бы этим важным для исследователей фоном. Не менее грустно, что интересные мыслители этого региона уходят из жизни или уже не творят. Единственное исключение — Хасан Ханафи. К сожалению, почему-то, когда я только знакомилась с работами марокканского философа ал-Джабири, он негативно относился к эмигрантам: он считал Аркўна, который сделал для исламской мысли, на мой взгляд, довольно многое, человеком, отошедшим от арабской идентичности, порвавшим с арабской действительностью. Хотя это неправда. Тот же Хабаши, который не только пишет на арабском языке, но и публикуется в арабских и зарубежных изданиях, эмигрант. А наши мусульманские философы, работающие сейчас в России? Аль-Джанаби, Тауфик Ибрагим — они что? Их же интересует состояние именно их культуры; но они работают и смотрят на эту культуру, может быть, немножко даже отстраненно, извне. Однако это...

А.Л.: Преимущество?

Е.Ф.: В какой-то мере да, потому что они видят какие-то недостатки, заметные для человека, живущего «внутри» культуры. Понимаете? Я считаю, что их взгляд важен для науки.

А.Л.: Что бы вы, Евгения Антоновна, могли бы пожелать нашим читателям? Может быть, молодым ученым, студентам, аспирантам...

Е.Ф.: Аспирантам и студентам — учить язык и глубже знакомиться с состоянием культуры интересующих их стран. И не забывать, что они — философы. Уверена, знакомство с миром философии очень важно. Это я и по себе ощущаю, и по тому, с кем я имею дело, даже со своими внуками: некоторые из них окончили философский факультет, работают в областях, не связанных с философией, но сами признают, что их достижения во многом определяются именно философией. Потому что философия учит строгому мышлению, учит целостно видеть предмет.

А.Л.: Спасибо большое, Евгения Антоновна, за содержательный и очень интересный рассказ!